

существующих в словесном искусстве и закрепленных в риторике моделей, возводил своего героя к определенному архетипу. Ныне же, предоставляя реальности возможность выразить себя, передать собственную неповторимость и несводимость к созданным культурой образцам, писатель отказывается от подобной однозначности, которая начинает восприниматься как недопустимое упрощение. Он хочет придать изображаемому человеку своеобразие и оригинальность, и как следствие этого возникающий под его пером образ обнаруживает причастность сразу к нескольким персонажным парадигмам.

Появляющаяся в результате полисемантичность, многовалентность действующего героя особенно заметна в прозе Пушкина, в частности она проявляется в постоянном несовпадении пушкинского героя и той роли, с какой он на первый взгляд связан⁵. Но ее можно обнаружить и ранее — в карамзинской «Бедной Лизе», в ее героях, особенно в образе Эраста, заслуживающего в данном отношении самого пристального внимания.

2

Как у любого персонажа, у Эраста существуют предшественники — не только западноевропейские, но и русские. Однако гораздо значительнее были его, так сказать, «потомки» — поэтому если обратиться к изучению типологии карамзинского героя, то продуктивно будет посмотреть вперед, на то, что возникло после Эраста, на то, что произросло из кинутых им в культурную почву семян. Едва ли не в первую очередь тут следует назвать тип «лишнего человека», многие структурообразующие элементы которого, как не раз отмечалось, можно обнаружить в облике Эраста. В этом отношении весьма важен мотив некоторой разочарованности героя в привычном ему светском укладе жизни, появившееся желание бежать от общества «решился — по крайней мере на время — оставить большой свет»⁶. Данное стремление Эраста продиктовано не одной его страстью к Лизе и намерением социально приблизиться к любимой девушке — крестьянке, в его основе лежит и скука, испытываемая им в «большом свете». «Он вел рассеянную жизнь, думал только о своем удовольствии, искал его в светских забавах, но часто не находил, скучал и жа-

⁵ Данная особенность пушкинской прозы не раз описывалась. См., например *Маркович В. М.* Повести Белкина и литературный контекст // Пушкин. Исслед. и мат. Л., 1988. Вып. XIII. С. 63–87.

⁶ *Карамзин Н. М.* Сочинения. В 2 т. Л., 1984. Т. 1. С. 511. В дальнейшем при цитировании этого издания страницы указываются в тексте.